

Владимир Осинин

Душа поэта

Заметки о встречах с А.Т. Твардовским

Москва. Угол улицы Горького и Тверского бульвара. Поворот к «Новому миру»... Кажется, я непременно увижу в толпе знакомую фигуру: косая сажень в плечах, простое драповое пальто с рыжим воротником, выдавшая виды меховая шапка, из-под которой выбивается упрямый светлый вихор. И отвлечённый, рассеянный взгляд – что-то думает...

Здесь я часто встречал своего земляка Александра Трифоновича Твардовского. Иногда мы здоровались, и он, оживившись, протягивал руку, но чаще я проходил мимо, если он меня не замечал, не решался отвлечь его от раздумий и стараясь не быть навязчивым, ему и так досаждали другие. С меня же было достаточно того, что я повидал его, и что он мой земляк, наши деревни находились в каком-нибудь часе ходьбы друг от друга, и ещё я гордился, что он самый популярный в стране писатель, живёт в столице, редактирует «Новый мир», первый поэт России.

Вспоминается наша первая встреча. Март 1951 года. Я приехал из оккупационных войск в Германии на Второе Всесоюзное совещание молодых писателей в Москве. Когда регистрировался, кто-то положил мне руку на плечо. Я оглянулся и встретил душевную улыбку незнакомого человека.

– Я – Рыленков...

Прежде мы только переписывались, в лицо ещё не знали друг друга.

В сторонке стояли Михаил Исаковский и Александр Твардовский и, как мне показалось, с кем-то спорили, вернее, чем-то возмущались.

– Идёмте, я познакомлю вас с нашими земляками, – сказал Николай Иванович.

Я был уверен, что они обо мне ничего не знают, но оказалось, что-то слышали или читали, – в это время у меня появились подборки стихов в «Огоньке», «Знамени» и других журналах.

– У кого вы в семинаре? – спросил Твардовский.

– У Николая Асеева.

– Хорошо, увидимся. – И они тут же куда-то ушли, продолжая шумно что-то обсуждать.

Асеев заболел, руководил нашим семинаром Семён Гудзенко. Уже обсудили стихи многих поэтов и мои, и вдруг в комнату вваливаются Самуил Яковлевич Маршак и Александр Трифонович Твардовский. Очень весёлые, сели в кресла напротив меня и слушают, сделав знак: продолжайте.

– Ну как? – шепнул мне Твардовский.

– Всё хорошо, – ответил я.

– Ну и слава богу... А мы запоздали... – И уже громко обратился ко всем: – Ребята, может быть, вы почитаете что-нибудь для нас с Самуилом Яковлевичем? Хоть по одному стихотворению.

Мы, конечно, с радостью начали читать: Константин Ваншенкин, Евгений Винокуров, Ростислав Братунь... И о каждом из нас они сказали какие-то тёплые слова, ободрили каждого. Я прочитал стихотворение: «У могилы Гёте в Веймаре». Маршак заметил, что последнюю строку можно немножко поправить. Твардовский ответил за меня:

– Ничего, можно и так оставить. Но он подумает.

Александр Трифонович был каким-то очень одухотворённым, словно это он попал на праздник, а не мы. С какой-то доверительной нежностью он сказал мне, прощаясь:

– Заходи в «Новый мир». И принеси свою книжечку.

Перед отъездом я зашёл в журнал, но Александра Трифоновича не застал, пришлось надписать книжечку и оставить. Правда, после я узнал, что её Твардовскому не передали. Она оказалась в журнальной библиотеке.

– Бывает и такое! – смеялся Твардовский, когда я встретился с ним через год. – Слишком уж они меня опекают!

Новая встреча была случайной и оставила у меня глубокое впечатление. После Ярослава Смелякова руководителем моего творческого семинара в Литинституте, где я учился заочно, стал профессор Борис Александров. Тот самый, который написал когда-то книгу о поэзии Михаила Исаковского и теперь писал такую же работу о стихах Александра Твардовского. Ему по душе была смоленская поэзия, он тепло встретил и меня. Поэтому, приехав в Москву всё из той же Германии, я направился к нему. Он жил недалеко от Белорусского вокзала на 4-й Тверской-Ямской. Одиноким профессор-холостяк занимал маленькую комнатку на втором этаже, всю заваленную книгами и рукописями. Он расчистил для меня место на диване, сам уселся на стуле напротив:

– Что привёз? Читай!

И часа два слушал меня. Особенно его заинтересовала моя новая поэма «Звёзды не гаснут» – о том, как немец-конструктор вместе с советским солдатом из-под Ельни спасли редкий в мире шлюз, который приказано было взорвать. У того шлюза и похоронен наш земляк-разведчик...

Только я успел закончить чтение, как раздался телефонный звонок. Телефон висел в коридоре на стене, профессор с кем-то оживлённо и дружески беседовал, потом положил трубку:

– Сейчас Твардовский приедет! – сказал он.

Я посчитал, что у поэта с профессором деловая встреча, им надо будет обсудить какие-то страницы из новой книги, и стал собираться, но он задержал меня:

– Куда же вы? Оставайтесь!.. Может, решится судьба вашей поэмы.

Но мне было стыдно: я не хотел, чтобы Твардовскому вроде бы навязывали мою поэму. Я умолял профессора ничего не говорить о моих стихах, лучше я сам передам их Софье Карагановой, которая заведовала отделом поэзии в «Новом мире».

Профессор пожал плечами и прислушался: на деревянной лестнице слышались чьи-то скрипучие шаги. Не дожидаясь звонка, мы вышли на площадку.

Моё присутствие несколько не удивило Твардовского. Он пожал нам руки и, снимая пальто и вешая шапку, сказал, что у него на душе такое же, как сегодня погода. А на улице была пурга...

– Ты всё ещё в Берлине? – спросил Александр Трифонович.

– Под Берлином, – уточнил я.

– Н-да, – вздохнул он.

Тут профессор сказал, что я привёз много новых стихов и даже поэму, но Александр Трифонович вдруг усмехнулся:

– А между прочим, он почему-то сдал их в «Знамя»! Так мне сказала Караганова.

Это была правда, я не стал объясняться, а профессор постарался перевести разговор на другую тему. Накрыли стол, стали ужинать. Твардовский и Александров

говорили о современной поэзии, о том, что у каждого народа есть свои духовные особенности, и поэтам это надо понимать. Русскому народу и его поэзии присущи душевная чистота, отзывчивость и скромность. А некоторые стараются сделать её по западному образцу, и это приносит большой вред.

– Посмотрите, как у Есенина и Исаковского! – говорил Твардовский. – Вот это родное, а не суррогат!

Спорить не пришлось: все мы были единомышленниками. Какая-то тревога Твардовского постепенно улетучилась, он стал улыбаться и, хитровато прищурился, спросил:

– Смоленщину ещё не забыл? – И каким-то тихим до боли голосом запел песню, которую именно так пели в наших местах.

*А у князя был Ванюша,
Ванька ключник молодой...
Я стал подпевать ему:
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.*

Нельзя было не удивиться, что Твардовский знал столько старинных песен, – когда-то их пели моя мать и сёстры, пели с особым сердечным оттенком, пели и мужики, возвращаясь вечером с покоса, с косами на плечах. Песни были грустные и многое напоминали. Александр Трифонович положил мне свою лапищу на плечо и, обливаясь слезами, пел с упоением, но ни я, ни профессор не уговаривали его – пусть разрядится, человеку надо освободить душу от напряжения...

Мы вспоминали наши деревни, приютившиеся среди болот, речку Лучесянку, которую надо было обязательно переезжать, когда едешь в Починок, вспоминали наш уютный довоенный родной городок – весь деревянный, только в центре стояли всего два кирпичных здания, в одном, двухэтажном, было «Сельпо», в другом, через дорогу, паровая мельница.

Щемило душу, но я был горд, что вот сидим мы, два крестьянских сына, в самом центре столицы великой России и говорим о самом большом и священном. Пусть об этом, наверное, никто никогда и не узнает, мы всегда останемся достойными той смоленской земли и душой всегда с теми, кто живёт сейчас там, живёт нелегко, но не пасует и знает себе цену. Никто не вынес в минувшую войну столько, сколько Смоленщина, а всё же жива, залечивает раны. И сам-то Василий Тёркин – тоже наш, со Смоленщины!

Настроение у Твардовского менялось – то он смеялся, то опять начинал грустить. И совсем уж поразил меня таким вопросом:

– Скажи мне, не кривя душой, поэт я или нет?

Это мне надо было о себе спрашивать у него. Он же давно уже получил всеобщее признание. Но он совершенно серьёзно пояснил мне, что пишущих стихи и преуспевающих у нас много, а вот настоящих поэтов можно перечесть по пальцам. И перешёл на шутку:

– А просто писать я обучу любого барана за две недели!

Чтобы развеять его грустные мысли, я стал рассказывать про один случай. Шли мы прошлой весной по Ленинградскому проспекту с поэтом Василием Сидоровым,

который заведовал отделом поэзии в журнале «Советский воин» и готовил к печати главы поэмы «Василий Тёркин». Решили в забегаловке выпить по кружке пива. Заходим туда, а там какой-то дюжий мужчина с лицом кирпичного цвета читает «Баню» Твардовского из поэмы о Тёркине.

– Кто это? – спросили мы.

– Как кто? – удивились в очереди. – Сам Твардовский!

– Вот как! – И мы решили ждать, что будет дальше.

«Автор» читает, ему хлопают, кто-то угощает. Похлопали и мы. И тоже решили угостить, чтобы поближе познакомиться и поговорить. Он пожимает нам руки: «Рад познакомиться, товарищи военные!» И тут я заметил:

– Только вот с голосом у вас что-то случилось!.. Слишком громко! Надо помягче...

«Автор» поэмы про бойца поспешил к двери.

Александр Трифонович смеялся. Всё-таки он счастлив был, что его «Василий Тёркин» стал поистине народным произведением.

Прошло несколько лет, я сдал выпускные экзамены в Литинституте имени Горького, предстоял прощальный выпускной вечер. Решено было пригласить много гостей – требовались деньги. Кто-то подсказал, что в таких случаях помогали студентам известные писатели. Пошли по «кругу с шапкой». Первым откликнулся Твардовский и, кажется, дал больше всех. Но на вечер он почему-то не пришёл, хотя мне очень хотелось, чтобы он присутствовал.

И ещё несколько слов об одной встрече, которая мне запомнилась. В это время я уже был переведён в Москву, работал старшим редактором редакции художественной литературы Воениздата. До меня дошёл слух, что Твардовскому на днях должно было отмечаться 50-летие, но он решил не отмечать свой юбилей. Не знаю, какие у него были причины, но меня это огорчило. И я всё равно заготовил поздравительный адрес, купил цветов и поехал в «Новый мир». Предварительно выяснив, когда он там должен быть, – в двенадцать. Прибыл немного раньше, но Твардовский уже был в редакции. Расхаживал по кабинету. Заметив меня с цветами, удивился. Вышел навстречу какой-то отдохнувший и помолодевший, в очень хорошем настроении.

– Разрешите поздравить вас, Александр Трифонович!

– Спасибо, тронут.

Я передал ему цветы и адрес, он прочитал, что там было написано, ещё раз пожал мне руку. Можно было видеть, как он умел на внимание отзываться сердечностью и вниманием. И я подумал: «Если он решил не отмечать свой юбилей, значит, так и надо?»

...Очень приятно мне было узнать, что на средства А.Т. Твардовского в нашем родном Починке построен районный Дом культуры. При первой возможности я побывал там и даже об этом написал стихи, которые были напечатаны в сборнике «День поэзии», а потом вошли в книгу моих стихов «Поединок», которая вышла в Москве в издательстве «Советский писатель».

До сих пор не верится, что его нет среди нас... Вот и опять иду с волнением мимо памятника Пушкину в «Новый мир». Не покажется ли в толпе знакомый родной облик?.. Погружённый в себя человек... Остановится вдруг, улыбнётся и протянет руку... Пусть даже пройдёт, не заметив, с какой-то постоянной своей большой

думой. Выдающийся поэт нашего времени. И он навсегда останется среди нас – человек из народа, душевный и крутой, может, до конца не понятый, полный обаяния.

Осинин В. Заметки о встречах с А.Т. Твардовским. – Текст : электронный // Сайт LIVEJOURNAL. – URL: <https://vladimir-osinin.livejournal.com/1059.html> (дата обращения 05.12.2023).